

Тук-тук - два глухих стука раздалось в дверь. Снаружи донёлся всхлипывающий голос Чжун Ханя:

— Старший брат, невестка, мне страшно в темноте... я хочу спать с вами...

Внутри комнаты тонкое одеяло накрывало два силуэта на бамбуковой кровати. Кое-кто вынужден был остановиться, невольно вздохнув. Пальцы скользнули по плечу супруга, натягивая на место сорочку, сдёрнутую минутой раньше. Чжун Мин наклонился и коснулся губами губ Су И. Хорошо хоть, дело ещё не дошло до точки невозврата - они только-только улеглись. Чжун Мин сдержал нарастающее волнение, вздохнул и, откинув одеяло, встал с постели.

— Ты ложись, я пойду его успокою.

Су И, кутаясь в тонкое одеяло, моргнул и прошептал:

— Может, мне снова пойти поспать с ним... ещё на одну ночь...

Чжун Мин решительно отверг:

— Ни в коем случае. Так вы в жизни с ним не разъедетесь. Он уже не маленький, пусть и гер, но всё равно, нет у младшего брата никакого права вечно с невесткой спать на одной постели.

Он наспех натянул рубаху и штаны, накиннутые рядом, и резко дёрнул дверь. Чжун Хань стоял на пороге - маленький, босиком, с тонкой полоской слёз, сверкавших на щеках.

— Уу... брат... — всхлипнул Чжун Хань и, раскинув руки, бросился в объятия Чжун Мина.

Тот сразу подхватил его и погладил по голове:

— Приснился кошмар?

Чжун Хань покачал головой:

— Нет... просто не могу заснуть. Как только закрываю глаза, в комнате так темно...

Он не решился признаться, что ему всё кажется, будто из-под кровати вот-вот вылезет что-то жуткое.

Чжун Мин тихо прикрыл за собой дверь в спальню и взял младшего брата за руку:

— Невестка уже спит. Брат пойдёт с тобой.

Чжун Хань виновато опустил голову. Он и сам понимал, что не должен всё время мешать старшему брату и невестке по ночам. Но с тех пор, как они переехали в новый дом, первые несколько дней прошли в восторге и новизне, а потом стало трудно - слишком резко пришлось привыкать спать одному после тесной, но уютной лодки, где они всегда были рядом.

Чжун Мин не стал его ругать, ему ведь ещё и пяти не исполнилось. Боязнь темноты для ребёнка дело обычное. Но и к самостоятельному сну надо постепенно приучать.

Чжун Мин снова уложил младшего брата в постель, вышел, чтобы взять корабельный ветрозащитный фонарь и повесил его на стену - как в ту ночь, когда они пережидали тайфун в каменном доме. Такой фонарь может гореть очень долго и не потухнуть, а главное - не страшно, если Додо ночью начнёт бегать и случайно опрокинет масляную лампу, устроив пожар.

— Буду оставлять тебе свет на ночь. Когда в комнате будет светло, тебе не будет страшно, — сказал он, проверяя, надёжно ли висит фонарь.

Про себя он подумал: в первые ночи ему приходило в голову, не оставить ли огонёк, но тогда решил, что дело просто в непривычке, мол, пройдёт через пару дней. А теперь было понятно: не пройдёт. Значит, нечего жалеть пару свечей.

Чжун Хань, лёжа на кровати, смотрел, как брат возится с лампой, а потом уселся рядом с ним. Тёплый, мягкий свет фонаря освещал комнату. Стало спокойнее.

— Кроме темноты, чего ты ещё боишься? — спросил Чжун Мин. — Комната ведь совсем небольшая. В главной стоит алтарь Морской Богини, я с невесткой прямо напротив. Да и Додо у нас как сторожевой кот, ничего страшного - ни демоны, ни привидения сюда не проберутся.

Чжун Хань чуть расслабился от этих слов, но всё же замаялся, переминался и, в конце концов, тихо выдавил:

— Брат... можно... можно передвинуть сундук и поставить под кровать?

Он боялся, что из-под неё кто-нибудь вылезет. Если под кроватью что-то есть, если там не пусто - тогда, может быть, и не будет так страшно.

Чжун Мин ничего не сказал в ответ, просто сразу сделал, как брат попросил: два сундука с вещами аккуратно уложил под кровать поперёк, чтобы они заняли всё пространство. Чжун Хань лёг на живот, свесился вниз и нащупал висячий замок на одном из сундуков - этого было достаточно, чтобы почувствовать себя в безопасности.

После всей этой возни и Чжун Мин не удержался и зевнул. Потом он ещё долго, сквозь одеяло, похлопывал младшего брата по спине, убаюкивая. В конце концов, тот всё-таки заснул. Чжун Мин не ушёл сразу, а подождал ещё с четверть часа. Убедившись, что Чжун Хань крепко спит, он аккуратно встал, опустил вторую половину полога и на цыпочках вышел.

Вернувшись в спальню, где в постели его ждал супруг, он увидел, что Су И тоже давно уснул. У них сейчас днём ни минутки покоя - ни поесть толком, ни присесть, так что стоит вечером лечь и не начать чего-то интересного, как вырубаетесь тут же, едва коснувшись подушки.

У Чжун Мина не было ни малейшего чувства досады. Он не из тех, кто вечно жаждет близости. На пару раз меньше - не беда. Просто его супруг слишком уж соблазнителен, стоит оказаться рядом, удержаться бывает трудно.

Все в доме выпались на славу. После этой ночи Чжун Хань стал каждый вечер засыпать при свете, и страх темноты отступил. С тех пор он больше ни разу не просился к брату и невестке в постель.

Сняв с души заботу о младшем брате, Чжун Мин и Су И провели несколько особенно вольготных дней без оглядки и лишних сдержек. Однако безмятежность длилась недолго: пришло время Чжун Мину выходить в море с остальными членами клана на промысел рыбы-сабли, или, как их здесь называют, «дайюй».

Хотя принято говорить «ловить» дайюй, правильнее было бы сказать «удить», ведь добывают их не обычными сетями, а специальными донными ярусами с множеством крючков, погружаемыми на большую глубину.

Шестой дядя-гун достал ключ и отпер общественную каменную кладовую. Мужчины один за другим вошли внутрь и начали вытаскивать оттуда свёрнутые в кольца снасти, что давно уже не использовались. Пока стояла хорошая погода, их разложили на открытой площадке перед кладовой для просушки и осмотра.

Основу ярусной снасти составляет толстая льняная верёвка длиной в несколько десятков чжан (около 100 метров), называемая «сухой верёвкой». Через определённые интервалы к ней привязаны более короткие поводки, на концах которых закреплены крючки. Оба конца этой «сухой» основной верёвки соединяются с «плавучей» верёвкой, к верхнему краю которой прикреплены поплавки, сделанные из бамбуковых трубок. В трубки втыкают маленькие флажки, чтобы с поверхности моря можно было точно определить, где находятся снасти. Когда всё готово, длинная снасть с множеством крючков опускается на дно, а две лодки, удерживая концы с флажками, постепенно расходятся на нужное расстояние, после чего снасть полностью погружается в воду.

Основная верёвка, к которой прикреплены сотни крючков, растягивается под водой в ровную линию словно невидимая стена на морском дне. Когда косяк дайюй проходит мимо, рыбы чувствуют запах приманки, устоять не могут, хватают наживку и уже редко когда могут с неё сорваться. Каждый раз, вытягивая такую снасть, можно выловить до сотни дайюй. Если зимой

трудиться весь месяц, то только в одном Байшуйао можно набрать десятки тысяч свежесвыловленных рыб. Те же самые ярусные снасти можно использовать и для ловли зимнего морского угря, главное, какие крючки использовать и какую наживку насадить.

Проверка снастей дело серьёзное. Нужно убедиться, что льняные верёвки не перетёрлись, не порвались, что все крючки на месте. Ведь стоит не досчитаться одного крючка, и возможно, будет упущена одна рыба, а значит, и потерянная прибыль.

С десятков мужчин, кто присев, кто на корточках, тщательно перебирали пять длиннющих ярусных снастей, паялись в них до головокружения, плечи и спины ныли от напряжения. Крючков, оказавшихся потерянными, набралось с добрый десяток, не говоря уж о множестве изношенных поводков - их пришлось все обрезать и заменить. На всё про всё ушёл целый день, и это была лишь малая часть всей подготовки к началу сезона ловли дайюй.

На следующий день в море вышло несколько лодок: предстояло закинуть сети, чтобы наловить достаточно цзюдуюй - бомбиля, идеальной наживки для первых партий ярусной ловли дайюй.

Однако бомбиль - не самое любимое лакомство для дайюй. Как только первые дайюй попадутся на крючок, наживку заменяют на их же мясо, ведь дайюй, как оказалось, не проявляет ни малейшего чувства родства: лучшее, что она может съесть - это своих же сородичей. Они даже в момент вылова ухитряются вцепиться друг другу в хвост, и уже на грани смерти всё равно не отпускают случая «насытиться». Настоящая «рыба, которая умрёт с полным брюхом».

Сотни катти бомбиля тянули сетями, грузили в лодки и тащили домой. Там за дело брались все - старики, жёны, фуланы: у кого есть руки, у того и нож. Рыбу нарезали на куски и ссыпали в вёдра для наживки.

Ловля дайюй проходила далеко от берега, возвращаться в тот же день было невозможно. Потому выбирали исключительно ясные, устойчивые дни, и даже в лучшем случае в море уходили на два-три дня, а то и на четыре-пять. На ночь швартовались у островков, ночевали на лодке.

Семьи, вроде их и семьи второй тётки, объединялись в команды, варили себе простую похлёбку на ужин, чтобы работать не на голодный желудок. А нарезав по несколько десятков цзиней бомбиля, Су И, вернувшись домой, первым делом полез в ящик за походными сумками: надо было собрать Чжун Мину всё необходимое на предстоящие дни в море.

Теперь, когда основная жилплощадь семьи - это дом на сваях, их рыбацкая лодка стояла пустой. Всё, что раньше служило для жизни, было перенесено на берег. Поэтому теперь обратно погрузили глиняную печку для разогрева воды и еды, циновку и одеяло, чтобы постелить себе на ночь, сменную одежду, принадлежности для умывания, немного сушёных закусок на перекус и, разумеется, маленький горшочек креветочной пасты, ведь без неё никуда.

- А вот в этом кувшине квашеные овощи. В море ведь не поешь свежей зелени, так хоть пару

солений добавить – рот освежить, а то без овощей щеки трескаться начнут. Яиц тебе положил пять штук – каждый день варёное съешь.

Чжун Мин принял маленькую бамбуковую корзинку с яйцами и отставил в сторону:

— Не надо так волноваться. Это ж всего на несколько дней. Да и разве я один? С нами ведь ещё несколько жён из клана плывут на “солёной лодке”, будут и рыбу солить, и обед варить.

Так называемая “солёная лодка” – это сопровождающее судно, отличающееся от основной рыбацкой лодки. Когда корабли находятся в море несколько дней, свежевывловленная рыба начинает быстро портиться, поэтому её немедленно натирают солью и солят прямо на месте. Этим и занимаются женщины на «солёной лодке» – мужья ловят, жёны и фуланы солят и готовят еду для всех.

Раз выход в море занимает по нескольку дней, женщины, сопровождающие мужей, – это либо не имеющие детей, либо те, чьи дети уже большие и могут сами за собой присмотреть. Даже если родителей дома нет, старшие тянут младших, и все как-то справляются.

Су И, услышав это, тихо прикусил губу. В сердце его разлилась тяжесть и глухая тревога.

На самом деле, изначально Су И сам хотел пойти вместе с мужем в море, но в их семье хоть и не было собственных детей, был младший брат, которого нельзя было оставить. К тому же в этот раз из клана в море выходило много людей, и выбрать несколько подходящих жён или фуланов не составило труда, его кандидатуру в итоге не включили.

Ведь у людей воды каждый выход в море всегда сопряжен с рисками. И когда Су И вспомнил, что завтра до рассвета Чжун Мин уже отправляется, в его глазах вспыхнула тревога и неохота расставаться.

Чжун Хань тоже сидел с недовольным видом – то тыкал в узел с вещами, то дергал за свернутое постельное бельё.

— Старший брат, а когда я вырасту, я смогу с тобой плавать в море? — спросил он.

Чжун Мин погладил его по затылку:

— Вот когда дорастёшь до роста твоей невестки, тогда и поплывешь.

Чжун Хань сразу побежал к Су И и схватил его за руку, требуя, чтобы тот сравнил с ним рост.

— У меня как раз есть идея! Ханьцзы, иди-ка сюда, встань у дверного косяка, — сообразил Чжун Мин.

Он взял небольшой ножик и, когда младший брат выпрямился у косяка, на уровне его макушки сделал короткую зарубку. Потом подозвал Су И и, сравнив рост, вывел вторую, более высокую отметку.

— Вот! Когда твоя голова достанет до этой метки, значит, пора идти в море.

— Смотри, — сказал Чжун Мин, указывая на зарубки, — эта метка - это ты, а вот эта - невестка. Каждые полгода измеряй свой рост и смотри, когда догонишь.

Чжун Хань задрал голову, глядя на расстояние между двумя метками, и стал ещё печальнее:

— Ох, это ещё долго... Я хочу уже завтра вырасти.

Потом задумался и вдруг вздохнул с облегчением: хорошо хоть надо дорасти до роста невестки, а не до старшего брата. Уж это-то было бы совсем безнадежно.

Но, как и бывает с детьми, его настроение менялось быстро: только что расстраивался, и вот уже снова оживился, задумчиво покачал головой и даже заулыбался. После сравнения роста не прошло и пары мгновений, как он уже умчался в комнату доставать купленные в прошлый раз игрушки - тканевого тигрёнка и глиняную куколку.

Чжун Мин и Су И переглянулись и тепло, по-семейному рассмеялись. Чжун Мин уже хотел что-то сказать, но в это время с улицы донёлся голос Чжун Ху, зовущий брата.

Он сразу встал и несколькими шагами вышел на крыльцо, встал у перил и глянул вниз:

— Ху-цзы, уже темнеет, что случилось?

Чжун Ху всё выложил, как есть:

— Только что второй дядя приходил к нам, говорит, его невестка порезала палец, когда вечером наживку резала. Глубоко порезала, быстро не заживёт. В море с такой рукой никак не пойдёшь. В клане больше подходящих нет, отец пошёл к шестому дяде-гуну, с ним всё обсудили. Похоже, что единственный выход - заменить её твоим фуланом. Вот меня и послали узнать: сможет ли он выйти в море, удобно ли ему идти с лодками?